

Категориальная схема познания в философии И. Канта: опыт применения к реальной познавательной ситуации*

В статье предпринята попытка применения категориальной системы, разработанной И. Кантом для описания познания, к анализу конкретного познавательного акта (на примере лекции по теоретической механике). Показано, что ряд кантовских категорий эффективно работает на этом материале. Так, знания, представленные в лекции, предлагаются студентам как априорные и не предполагают в рамках лекции эмпирической проверки. Также лекция с необходимостью опирается на априорные представления слушателей о пространстве и времени. Предмет лекции не является непосредственным отображением эмпирического объекта, а конструируется с использованием логических средств. Устойчивость и единство предмета достигаются установлением логически непротиворечивых отношений между элементами теоретической конструкции. В процессе конструирования предмета происходит редукция чувственных элементов и переход от чувственного созерцания к понятию. Аподиктичность и всеобщность содержания закономерностей, освещенных в лекции, не происходят из опыта, а привносятся в знание формой его организации. Следовательно, именно через апелляцию к форме, а не через индуктивное обобщение они признаются слушателями. Использование математических средств в теоретической механике также относится к формальной стороне организации знания, обеспечивающей необходимость выводов. Предложенное И. Кантом описание созерцания, происходящего в ходе лекции, указывает на данную им трактовку созерцания как построения сложного мысленного представления, в котором чувственные и рациональные элементы неразрывно взаимосвязаны. Таким образом, именно к творчеству И. Канта восходят такие идеи современной теории познания, как признание теоретической нагруженности эмпирического знания и универсальный конструктивизм.

Ключевые слова: *теория познания, И. Кант, учебная лекция, априоризм, аподиктичность, конструктивизм.*

Общепризнанно, что трансцендентальная философия И. Канта внесла выдающийся вклад в теорию познания. Но это признание чаще всего основывается на обосновании И. Кантом активности субъекта в процессе познавательной деятельности. Набор категорий, предложенных И. Кантом для подробного описания этапов познавательной деятельности, сравнительно редко применяется в реальном моделировании конкретных познавательных актов. Иногда высказывается даже тезис о том, что «утверждение Канта об априорной природе научных истин возникло в результате неадекватного осмысления им процедур исследования» [6, с. 29]. В данной работе мы попробуем показать, каким образом идеи кантовской теории познания могут быть применены к реальной ситуации и реальным условиям, в которых происходит познание.

Начнем со следующего примера. Одним из центральных положений философии И. Канта является идея наличия априорных предпосылок познания, т.е. познавательных форм, существующих в познании до всякого опыта. В общем случае мы склонны отрицать эту идею, полагая,

что любое знание имеет в конечном счете эмпирическое происхождение [см.: 2, с. 55]. Но если мы будем рассматривать не совокупного познающего субъекта, а познавательную деятельность отдельного человека, оценка меняется: большинство наших знаний мы получаем не из непосредственного опыта, а именно в виде уже существующего знания. Рассмотрим с этой точки зрения основной элемент академического обучения в высшей школе – лекцию. Лекция – это обучение тому, что известно науке, изложение конкретной, устоявшейся теории, уже имеющей статус непреложности. Опыт присутствует в ней лишь опосредованно, лекция есть царство теоретической мысли, ее самостоятельности. А потому в сознании слушателей, а зачастую и самого лектора, положение и понятие изучаемой теории принимают характер априорности, т.е. вхождения в собственный интеллект и нахождения в нем независимо от опыта. Восприятие и изложение лекции тем и характерно, что многие положения выступают как априорные, вместе с тем все положения лекции необходимы и достоверны при полном исключении ощущений и всякой чувственности.

* Статья подготовлена к печати доктором философских наук, профессором Н.И. Мартишиной.

Априорность теоретической мысли, которая обязательно присутствует в лекции, как раз и предполагает активность мышления – выход за пределы непосредственно данного. Возьмем в качестве примера понятие, без которого невозможны лекции по физике и теоретической механике: материальная точка – объект, обладающий массой, но размерами которого можно пренебречь. Это понятие – образец априорности мышления и его активности. В человеческом опыте (помимо теоретического) такого объекта нет и не будет, он – результат активности человеческого мышления. Понятие материальной точки обладает научной достоверностью и вводится как гносеологический конструкт, свойства которого не эмпирически оправданы, а логически необходимы. «Если имеется положение, которое мыслится вместе с его *необходимостью*, то это априорное суждение» [3, с. 106]. Понятие материальной точки этому утверждению Канта вполне соответствует.

Можно предположить, что корни философских воззрений Канта лежат не только в сфере собственно познавательной деятельности, но и в сфере лекционной академической практики. Правда, специальным анализом философского восприятия лекции Кант не занимался, но положения, в которых просматривается ее описание, обнаруживаются в различных разделах его произведений.

Итак, мы выбираем в качестве приложения кантовских идей познавательную ситуацию чтения и восприятия лекции. Мы оставляем в стороне лекции по гуманитарным дисциплинам и имеем в виду лекции по классическим физическим и техническим дисциплинам, основа которых – теоретическая механика, в которой рассматриваются закономерности движения материальных тел в пространстве и времени.

Изложение взглядов Канта следует начать со следующего утверждения: «Созерцание и понятие суть начало всякого познания, так что понятие без созерцания или созерцание без понятий не могут дать знание. Созерцание и понятие бывают или чистыми, или эмпирическими. *Эмпирическими*, когда в них содержится ощущение (когда предполагают действительное присутствие предмета); *чистыми* же – когда к пред-

ставлению не примешивается никакое ощущение. Вот почему чистое созерцание заключает в себе только форму, при которой что-то созерцается, а чистое понятие – только форму мышления о предмете вообще. Только чистое созерцание или чистое понятие могут быть априорными, эмпирические же могут быть только апостериорными» [3, с. 154].

Лекция – теоретическая форма мышления. Предмет лекции является результатом когнитивного конструирования, протекающего через процедуры абстрагирования, обобщения, выделения необходимых и существенных связей. И. Кант положил начало выделению этого обязательного в составе теоретического познания конструирующего момента – формирования гносеологического образа как чего-то отличного от самого объекта [см.: 8, с. 26]. Поэтому предмет лекции доступен лишь «чистому созерцанию» в пространственно-временных формах, которые «...находятся в душе а priori без действительного предмета чувств и ощущений» [3, с. 128–129]. Действительного материального предмета как предмета чувств в лекции нет и быть не может, а есть только «сверхчувственный» конструкт, абстрактный объект, который создан нами и который мы оснащаем соответствующими теоретическими свойствами.

При этом «все вещи... находятся во времени... это основоположение обладает объективной истинностью и априорной всеобщностью» [3, с. 139]. Предмет можно представить себе только в пространстве и времени, независимо от понимания его абстрактного, сконструированного характера. Материальную точку, которая не обладает никакими размерами, мы все равно представляем себе как «точный объект». По-другому мы не можем мыслить. По И. Канту, это происходит, поскольку представления о пространственно-временной структуре любого предмета находятся в сознании слушателя а priori. В процессе лекции так оно и есть: ни лектор, ни слушатель не обсуждают вопросы пространственно-временной структуры мироздания, они просто используют имеющиеся у них представления. И у лектора, и у слушателей «работают» априорные формы мышления – все участники познавательного акта в равной степени исходят из достоверности и всеобщности представлений о пространственно-

временной структуре предмета, даже не связывая это с собственным опытом.

«Следовательно, если какое-либо суждение мыслится как строго всеобщее, т.е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение» [3, с. 106–107]. Так возникает «чистая форма» предмета лекции – начало всякой лекции механико-технического цикла. Эта «чистая форма» находится без какого бы то ни было ощущения в сфере чистого созерцания преподавателя и слушателя – трансцендентально, как следствие их собственной познавательной способности. Преподаватель и слушатели даже не обсуждают этот момент, они понимают, что констатация «предмет существует в пространстве и времени» – это даже не базовая характеристика предмета лекции, это только предтеча его исследования, единственная возможность мыслить о нем.

В своем изначальном виде предмет лекции неаподиктичен, т.е. не содержит в себе необходимость тех или иных суждений о нем. В процессе лекции возникает необходимость так определить предмет лекции, чтобы он был очищен от случайных деталей и проявлений и допускал достоверные выводы. Это объективное основание активизации мышления слушателя, рассмотренное в этом качестве последователем И. Канта Э. Кассирером. Кассирер рассуждает о предмете познания, но, как нам представляется, это можно соотнести с рассуждениями о предмете лекции: «В нашей мысли об отношении познания к его предмету содержится некая необходимость, ибо предмет рассматривается как то, что противостоит случайному или произвольному определению наших познаний, требует, чтобы они были априори определены известным образом, ибо поскольку они должны относиться к предмету, они должны необходимо взаимно соответствовать друг другу в своем отношении к этому предмету, т.е. обладать единством, которое составляет понятие предмета» [5, с. 136]. Что следует из этого рассуждения? Э. Кассирер говорит: «Что дает нам право для такого признания, еще остается нерешенным...» [5, с. 135], но в специальной лекции это тоже обсуждаться не будет, поскольку лекция не философская. В специальной лекции мы опять-таки

принимаям как должное, что сообщаемые нам закономерности, когда-то выведенные из ограниченного опыта, являются всеобщими, выполняются везде и всегда. «Скачок индукции» состоялся ранее: все участники лекции неявно убеждены в необходимом характере формул, выведенных в науке. Как показывает Э. Кассирер, именно потому, что мы имеем дело не с предметом как таковым, а с понятием предмета (подчеркнуто мною. – О. М.), с его идеальным сконструированным аналогом, «существуют известные суждения, значимость которых не зависит ни от единичного эмпирического субъекта... ни от особых эмпирических и временных условий, в которых они выносятся...» [5, с. 136–137].

Поскольку в лекции действительно на первый план выдвигаются не предметы, как в реальном процессе познания, а вербальные положения априори, без всякого опытного обоснования, которые являются необходимыми, эти положения должны соответствовать друг другу в своем отношении к предмету. Только их логическое единство и непротиворечивость формируют понятие предмета, обладающее требуемой аподиктичностью. В результате в процессе познания происходит переход от «чистого созерцания» (каждое материальное образование имеет пространственно-временную структуру) к понятию, которое является основанием выхода мышления на уровень научности.

Вернемся в связи со сказанным к примеру из теоретической механики. Предмет теоретической механики – это совокупность материальных точек, расстояние между которыми остается постоянным, или, что то же самое, материальное тело, имеющее неизменные пространственные границы (деформации исключаются), обладающее механической массой и движущееся с малыми скоростями или находящееся в равновесии под действием приложенных к нему внешних сил. Иными словами, описываемое законами механики движение происходит в чистом мире научных абстракций, который лишь относительно соотносится с физическим материальным миром. В физическом мире точно сформулированные закономерности проявляются лишь приближенно. Необходимость формируется не в фи-

зическом, а в логическом пространстве. Благодаря этому происходит предельное расширение предмета: установленные положения действуют и за пределами доступного физического опыта. Закономерности теоретической механики относятся и к областям и предметам, которые человеческим опытом еще не освоены. Они подвластны человеческому разуму с его свойством изначального априоризма и активности, выводящим его за пределы уже осуществленного опыта.

Как говорит В.Ф. Асмус, известный историк философии, И. Канту «удалось доказать наличие априорного знания в математике и естествознании, а также объяснить условие его возможности» [1, с. 237]. А. Мельник считает возможным сделать на основе высказанных идей И. Канта более радикальное обобщение: «Чем бы ни был этот мир, но в той мере, в какой он касается нас, он должен соотносываться с условием нашего мышления и познания» [9, с. 64]. Иными словами, не только наши знания должны согласовываться с изучаемым миром, но и мир должен вводиться в конструктивные рамки наших знаний. Для слушателя, осознавшего это и преодолевшего ожидания «зеркальности» познания, становится вполне приемлемым и понятным тезис Канта: «Будем исходить из предположения, что предметы должны соотносываться с нашим познанием, что лучше согласуется с требованиями априорности знания о них, которое должно установить нечто о предмете раньше, чем он нам дан...» [3, с. 87–88]. Это «раньше» означает, что в нашем случае все предметы, которые входят или войдут в компетенцию теоретической механики, изначально должны обладать механическими свойствами. Мы априори приписываем эти свойства объекту в качестве отправной точки познания. Эта идея проходит через все лекции механико-теоретического цикла, и соответственно происходит отождествление предмета лекции, которого не существует в действительности (он существует только в созданном нами теоретическом мире) с реально существующими механическими предметами. На это отождествление теоретическая механика накладывает ограничения, а именно – свои принципы и положения, определяющие единство теории. Гносеологическое конструи-

рование аподиктического предмета и есть то интеллектуальное действие, которое позволяет человечеству иметь цельную теорию механического движения и взаимодействия. Иначе теоретическая механика распадалась бы на множество рецептов манипулирования с конкретными механическими предметами, совокупность механических ремесел, основанных на различных свойствах механических тел.

Уместно привести по данному поводу рассуждение К. Маркса: «Коренной недостаток всего предшествующего материализма заключается в том, что предмет действительности, чувственность берется только в форме объекта, а не как человеческая чувственная деятельность, не субъективно. Отсюда... деятельная сторона, в противоположность материализму, разрабатывалась идеализмом...» [7, с. 1]. Эти слова относятся к критике домарксовского материализма, но из них еще раз следует, что заслуга Канта – впервые осуществленное рассмотрение объекта исследования именно как объекта активной мысленной деятельности на основе присущих человеку априорных форм мышления. Нельзя сказать, что взгляды Канта свободны от критики, но их значение для философии несомненно.

Отметим далее несколько более частных идей И. Канта, получивших, как нам известно теперь, свое продолжение в последующем развитии науки.

И. Кант различает эмпирическое и чистое время. Эмпирическое время – это время ограниченного человеческого опыта. В абстрагированной научной реальности (в той же лекции по теоретической механике) процесс изменения структуры тел во времени не прослеживается и никак не влияет на образ объекта. Время научных абстракций – неизменное, «чистое». Ограниченность представления о том, что все механические тела существуют в чистом времени, сейчас уже ясна. Теория относительности демонстрирует нам замедление или ускорение времени при движении тела, в зависимости от скорости. Кант ничего об этом не знал, но «деление» времени Кантом на эмпирическое и «чистое» – предтеча диалектических представлений: классические механические представления о времени – частный случай представлений о времени в теории относительности.

Рассматривая мир научных абстракций и его освобождение от чувственных характеристик, И. Кант в то же время замечает, что без чувственного созерцания «...ни один предмет не был бы нам дан» [3, с. 115]. В какой же форме присутствует «внешнее созерцание» в лекции, если все чувственные характеристики при конструировании ее предмета нивелируются? Сохраняющаяся в этих условиях форма чувственности – это звуковые и графические сигналы, которые фиксируются на бумаге с помощью знаков. Их написание и соединение определяется математической теорией, и результат такого созерцания – мысленное представление в сознании слушателя свойств и отношений предмета лекции. По существу, преподаватель делает то, что Кант выразил следующим образом: «...в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т.е. присоединить к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать разумом... (т.е. подводить под понятие)» [3, с. 154–155]. Преподаватель «присоединяет» к образу объекта посредством знаковой системы, логика которой определяется математическим аппаратом теории, необходимые свойства. Математические выкладки – предмет созерцания – в лекции постигаются рассудком; слушатель представляет себе, что за величины, взаимодействующие с предметом лекции, скрываются за тем или иным символом уравнения, как из уравнений складывается представляемая картина реальности. Способность к созерцанию есть «формальное его свойство подвергаться воздействию объектов и таким образом получать непосредственные представления о них» [3, с. 132]. Так предмет лекции становится «дан» как слушателю, так и преподавателю. Итак, понятие чувственного созерцания у И. Канта оказывается неразрывно связанным с деятельностью рассудка. Можно утверждать, что И. Кант предвосхитил идею теоретической нагруженности чувственного восприятия, ключевую для современной теории познания.

В предмете теоретической механики форма выступает как довлеющая над содержанием: особенности вещества, из которого состоит тело, не рассматриваются, геометрические формы тела, его масса и временное существование выступают как самостоятельные

характеристики, а потому предмет теоретической механики имеет математическое выражение. Математизация изложения теоретической механики рассматривается как само собой разумеющееся оформление и опять-таки не рефлексивируется в рамках специализированной лекции. Но И. Кант дает философский анализ гносеологического смысла математизации знания. Пространство и время, масса, сила – вот те интуитивные положения (по терминологии Канта, чистые «воззрения»), которые теоретическая механика кладет в основу своих суждений, и задача придания им аподиктического и необходимого характера требует использования математической формы. Оформленные аксиоматические понятия – основа математического вывода других математических суждений по определенным логическим правилам. По мысли Канта, новые математические суждения – это расширение интуитивных математических положений новыми предикатами. Все математические положения синтетичны, как утверждает И. Кант [3, с. 82]. Это значит, что математическое положение (кроме аксиоматического) «никогда не постигаемо само по себе, если не предполагается другое синтетическое суждение, из которого оно выводится как следствие» [3, с. 70]. Так возникает математический вывод, и И. Кант здесь опять-таки совершенно прав, утверждая, что этот вывод «имеет в себе необходимость, которая не может быть взята из опыта» [4, с. 89], и распространяя эту необходимость на оформленное с его помощью знание в целом. Подтверждением может служить восприятие математически оформленного знания и слушателем, и лектором именно как необходимого; никакого опыта, подтверждающего выводы теоретической механики, при наличии математической точности им не требуется. Таким образом, математическое изложение содержания теоретической механики возникает как средство внесения в знание аподиктичности, которая нормативна для науки, но не может происходить из опыта.

Итак, мы видим, что анализ процесса восприятия лекции как познавательного акта дает возможность содержательного применения ряда положений, высказанных и обоснованных И. Кантом. Мы далеки от абсолютизации кан-

товских идей, но многие характеристики познания, отмеченные И. Кантом, вполне адекватно характеризуют реальную методологию познания. Не случайно впоследствии оказалось, что главное произведение И. Канта – «Критика чи-

стого разума» – «в той или иной мере повлияла практически на все направления теории познания и течения в философии науки, сложившиеся после ее выхода в свет» [10, с. 401].

Библиографический список

1. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 540 с.
2. Богомолов А.С. И. Кант // История диалектики: Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1978. С. 31–100.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 69–696.
4. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1964. С. 67–210.
5. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997. 440 с.
6. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века. М.: Высш. шк., 1989. 480 с.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 1–3.
8. Мартишина Н.И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 25. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. С. 25–31.
9. Сто этюдов о Канте / Под общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ, 2005. 272 с.
10. Круглов А.Н. «Критика чистого разума» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. С. 400–401.

O.A. Melnikov

Categorical Scheme of Knowledge in the Kant Philosophy: Application to a Real Cognitive Situation

Abstract. An attempt is made to use the Kant categorical system of knowledge description for analyzing a specific cognitive act, namely, a lecture on theoretical mechanics. A number of Kantian categories are shown to work efficiently here. For instance, the knowledge in the lecture is delivered to students as *a priori* knowledge not to be put to empirical testing at the lecture. Also, the students' *a priori* ideas of space and time are employed. The subject of the lecture is not a direct reflection of an empirical object; instead, that subject is constructed using logical means. Stability and unity of the subject are achieved via derivation of some logically consistent relations between theoretically constructed elements. In the construction process, a sense-element reduction and a transition from sensory perception to a concept occur. Apodecticity and universality of the scientific laws being discussed do not come from experience, being instead brought about by the form of knowledge organization; the students recognize the laws through the appeal to the form, and not through inductive generalization. The use of mathematical tools in theoretical mechanics also applies to the formal organization of knowledge and yields necessary conclusions. All these ideas are Kantian ones; the Kant description of the contemplation at the lecture considers the contemplation as a construction of a complex mental picture in which sensual and rational elements turn to be inextricably linked. Thus, it is the Kantian theory that has given birth to the modern theories of the theoretical loading of empirical knowledge and to the universal constructivism.

Key words: *theory of knowledge; Kant; educational lecture; a priori; logical necessity; constructivism.*

Мельников Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент. Работал в Сибирском государственном университете путей сообщения с 1971 г., был заведующим кафедрой философии, деканом инженерно-экономического факультета, секретарем парткома. До сентября 2015 г. работал на кафедре философии и культурологии СГУПС в должности доцента. Ушел из жизни 23 февраля 2016 г. Это последняя статья, которую Олег Александрович готовил для «Вестника СГУПС». Статья публикуется в память о нем.